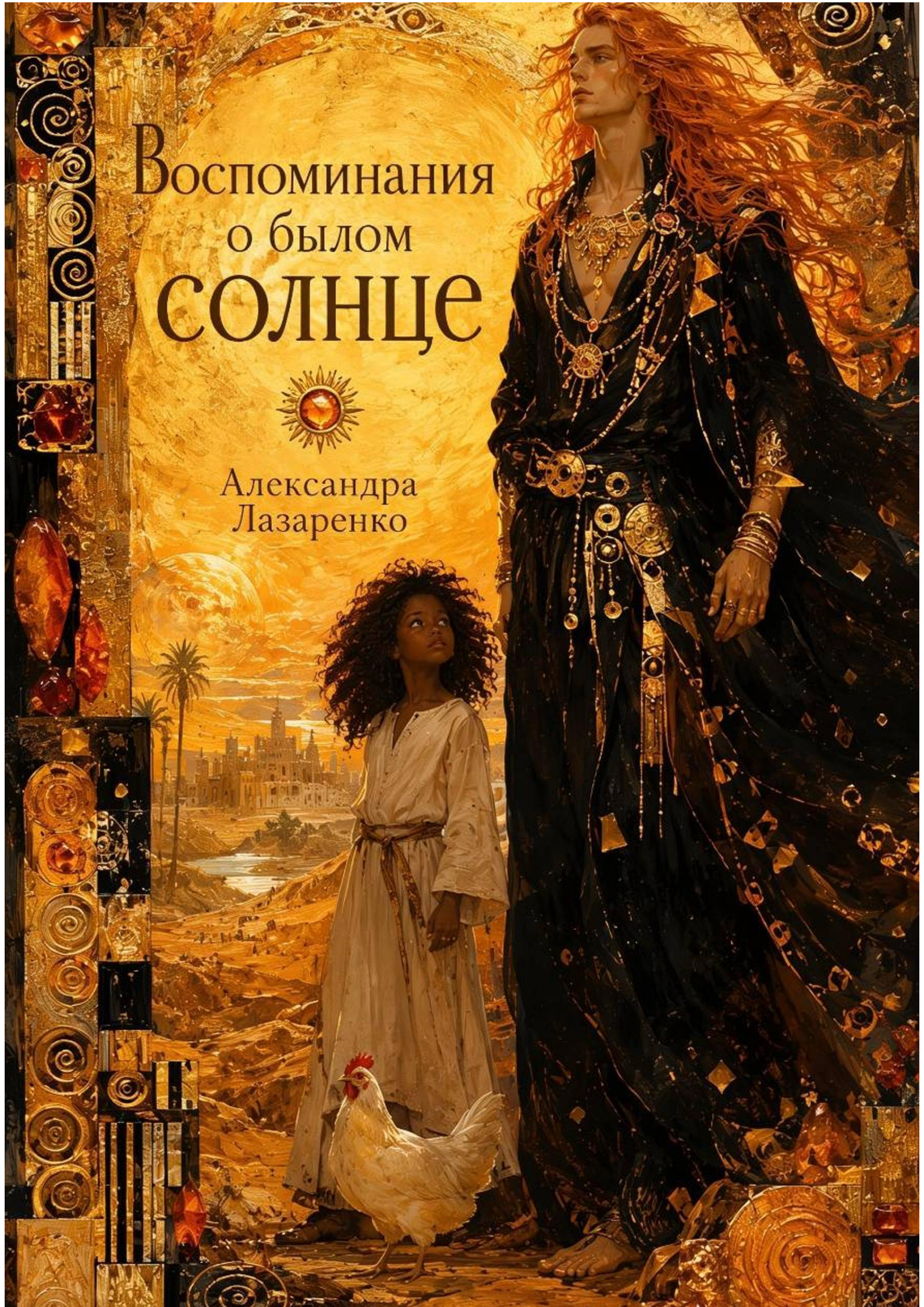

Воспоминания о былом СОЛНЦЕ

Александра
Лазаренко

Александра Лазаренко
Воспоминания о былом солнце

«Автор»

2026

Лазаренко А.

Воспоминания о былом солнце / А. Лазаренко — «Автор», 2026

В древнем мире пустынь, где небо – бездонная пучина, а солнце – всего лишь подделка, девочка Ун отправляется в путешествие вместе с последним джинном, чтобы вернуть людям давно украденную воду. Путь к их цели лежит через золотые дюны и волшебные оазисы, покинутые тысячи лет назад города, хрустальные долины, через сказки и воспоминания, вой беспощадных ветров и песни призраков. Если они преуспеют – на землю снова вернутся моря и океаны. Если нет – Намиб обратится в вымерший мир безмолвных миражей.

© Лазаренко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Небесный источник	5
Глава 2. Гость	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александра Лазаренко

Воспоминания о былом солнце

Глава 1. Небесный источник

Изнуренная немилосердной жарой, великая Намиб, наконец, вздохнула с облегчением. Необъятные груди ее барханами поднялись навстречу багровеющему небу, и устало опустились в титаническом выдохе. Раскаленное докрасна солнце медленно потонуло в золотых песках. На смену зною в пустыню пришла долгожданная прохлада.

Вдали, потревоженные Солемом, игривым летним ветром, протяжно запели пески. Их низкий печальный голос всегда пугал Ун. Они гудели, точно сотня труб, заставляя нутро мелко вибрировать, а кожу покрываться мурашками.

Девочка, не спуская глаз с песчаных холмов, приникла к бедру Бабушки. Та прижала к себе Ун сухой смуглой рукой и тихо проговорила:

– Это просто дюны, песчинка моя. Дюны и ветер, только и всего.

– Хидам говорит, что это воют наснасы, бродящие по Намиб в поисках добычи.

– Наснасы? – Бабушка, нахмурившись, посмотрела на Ун. – Что за звери такие?

– Это не звери, это шайтаны. Они как люди, но их только половина... Одна рука, одна нога, пол головы. От этого они очень злые и всех на свете ненавидят. Хидам рассказывал, что наснасы могут убить человека одним прикосновением, представляешь?

– Вот Хидам выдумщик! – рассмеялась женщина и потрепала упругие темные кудри внучки. – Он просто пугает тебя, глупышка.

Ун насупилась и отпустила Бабушкину ногу.

– Хидам врать не будет! Он столько всего видел в жизни! Не удивительно, в три сотни-то лет...

– Старый лгун... Ему еще и шестидесяти нет, – Ба вытащила из складок синей рубахи глиняную чашку и подставила ее под сверкающую нить воды, что тянулась свыше прямоком из безоблачного неба. Последние лучи солнца, точно бисер, нанизывались на нее яркими искрами. Ниспадал же источник в черное жерло колодца, выложенное желтоватым известняком. – На, попей, – она протянула миску девочке. Та вцепилась в нее тонкими пальчиками и сделала несколько жадных глотков.

– Прохладная, – Ун довольно причмокнула губами.

– Источник все слабее и слабее. Помню времена – он был толще верблюжьей шеи, а колодец всегда полным. Сейчас же... – Бабушка толкнула стоящее на краю каменного оголовка ведро. Оно с грохотом полетела вниз. Юкковая веревка, привязанная одним концом к ручке, а вторым к вбитому накрепко в известняк стальному кольцу, натянулась. Ун с удивлением взглянула вниз. Во влажном полумраке она разобрала крохотную тень ведра и всполохи догорающего заката на непотревоженной глади.

– Не достало! – воскликнула девочка. – А в прошлый раз веревки хватило!

Ба беспокойно пожевала сухие губы.

– Да уж, – растерянно пробормотала она. Подрагивающими пальцами женщина распутала тугой узел, после чего обмотала освободившуюся веревку вокруг руки. Перегнувшись через нагретый дневным маревом край колодца, Ба свесилась вниз. Послышался шлепок ведра о воду.

Ун обхватила ее со спины:

– Не упади только!

Бабушка закричала и с трудом выпрямилась. Осторожно она начала вытягивать веревку из колодца. Ун слышала мелодичный перезвон капель, срывающихся со дна ведра. Когда показалась над жерлом колодца ручка, девочка схватила ее, с натужным стоном вытащила сосуд и плюхнула его на песок.

В ведре плескалась мутно-коричневая вода. Взвесь была настолько плотной, что нельзя было различить дно. Глядя на грязную гладь, Ун почувствовала, как живот скрутило неясной тревогой.

– Вода все хуже, – покачала головой Ба.

– Что это значит? – девочка подняла на нее блестящие от беспокойства глаза.

Бабушка нервно моргнула и натянула на худое морщинистое лицо улыбку.

– Пока не знаю, – бодро ответила она. – Чего загадывать? Дальше будет видно. Вдруг через неделю источник снова оживет?

Ун уловила в голосе Ба еле заметную дрожь. От этого стало еще беспокойнее, но внучка все же улыбнулась в ответ.

– Пойдем уже? Скоро совсем стемнеет.

Бабушка освободила ведро от веревки, которую затем вновь привязала к кольцу, и ухватила обмотанную старой тряпицей ручку.

– Пойдем. А то вдруг в сумерках к нам подкрадутся наснасы.

Ун подпрыгнула на месте испуганной козой и суетливо припустила за родительницей.

Они вступили в кишлак, когда солнце окончательно нырнуло за бархатистые дюны. Непроглядно-черные тени, до того тянувшиеся к востоку, ныне исчезли, сумерки обратили мир из яркого и контрастного в приглушенно-серый. Люди, прячущиеся днем от иссушающей жары в глинобитных угловатых жилищах, смогли наконец выбраться на воздух. Приодетые мужчины пестрой вереницей потянулись к храму на вечернюю молитву, женщины же торопливо принялись за домашние дела. То тут, то там зазмеился к нарождающимся звездам едкий дымок очагов. Нос защипало от запахов жженой пустынной колючки и кизяка. Заблеяли тощие козы в ожидании дойки, у источника очертилась тоненькая строчка водоноска.

Ун старалась не отставать от Бабушки, которая неспешно брела по пыльным улочкам кишлака, время от времени перекладывая ведро из одной руки в другую. Наконец, они пересекли селение и остановились у своего жилища. Перед ними, напрямик из песка, выросла серая громадина древних развалин. Уцелело немного: центральный купол некогда величественного здания обрушился, образовав в контуре каменных стен подобие внутреннего дворика, а из двух остроконечных минаретов выстоял только один. От второго же осталась невысокая круговая кладка и поднимающаяся в никуда винтовая лестница.

Бабушка с внучкой обосновались в выжившей башенке. Обвалившийся зал им удалось частично расчистить от обломков и песка. Там они устроили загон для нескольких пятнистый коз, которые сейчас в нетерпении выглядывали в стрельчатое окно с остатками витражей. Животные, завидев хозяек, требовательно замыкали.

Ба отодвинув истрепавшийся гобелен, служивший занавеской на входе, прошла к козам и вылила мутную воду в бурое глиняное корыто. Ун же направилась напрямик в минарет. Девочка целый день, прячась от испепеляющего солнца в тени баранов, пасла скотину. Теперь же пришло время спокойно отдохнуть в прохладе каменной башни.

Ун по привычке провела пальцами по резному косяку у входа. Извилистым узором вокруг двери протянулась древняя вязь. О чем говорилось в завитках, искусно выточенных рукой мастера, никто уже и не помнил. Но Ба упоминала, как ей рассказывала ее Ба, а той ее, о том, что это древний оберег охраняющий от скитающихся по пустыне шайтанов. И Ун верила в это. Дома ей всегда было спокойно, точно в объятиях матери, которую она помнила едва

ли. О ней мало что сохранилось в памяти девочки, но запах молока и дыма, тепло и чувство безграничной безопасности снилось ей порою до сих пор.

Дверь за спиной закрылась, и Ун тут же погрузилась в тишину и полумрак минарета. Крики коз, еле слышный напев Бабушки, взявшейся за дойку, гомон кишлака – все вмиг стихло, точно отрезанное наточенным ятаганом. Только шелест теплых перьев ветра сквозь разбитое окно над головой да стук собственного сердца.

Взгляд тут же уперся в истрепанный и выцветший на солнце пухлый заплечный мешок, притулившийся на нижних ступеньках лестницы. Завтра на закате Ба уходит в Бат-Яффо – город в паре недель пути. В суме у нее две сотни горстей рубинового песка, который родительница понесет на местный рынок.

Время, когда Бабушка уходит торговать – страшное время. Ун прекрасно знала, какой жестокой может быть великая Намиб. Порой девочка ночи напролет просиживала на верхней террасе минарета, вглядываясь в безмятежную даль пустыни, недвижимую под синевой луны. Она не смыкала глаз в надежде увидеть одиноко бредущую среди складок дюн родную фигурку. Казалось, стоило только смежить веки, как с Ба непременно что-то случится.

Ун с ненавистью пнула мешок. Тот накренился, и из разъехавшейся горловины тонкой струйкой потянулся сверкающий алыми искрами песок.

Глава 2. Гость

Ласковый Содем сменился яростным Хамсином. Горячие порывы поднимали в воздух песчаные вихри, швыряли рыжую пыль, закручивали ее в быстрые воронки. Барханы перетекали друг за другом на юго-восток, Намиб менялась на глазах. Казалось, пустыня ползла навстречу поднимающемуся солнцу, неспешно волооча свое тучное рыхлое тело.

Ун, свесив ноги, сидела на верхушке минарета. Голова ее была обмотана плотной тряпкой. Через узкую щелочку влажно сверкали большие темные глаза.

Пески сегодня завывали как никогда прежде. От оглушительного рева дрожала даже сама башня.

В назначенный срок Ба не вернулась. Прошло уже вдвое, а может и втрое больше времени, чем требовалось ей обычно на то, чтобы добраться до города и воротиться обратно. Все, что оставалось теперь несчастной Ун – еженощно бдеть на своем посту и ухаживать за скотом в ожидании чуда.

Глаза мучительно слипались. Клонило в сон, но девочка боялась даже на миг прикрыть веки. Она стучала пятками о серый прохладный камень и время от времени больно щипала себя, чтобы не задремать ненароком.

– Где же ты, Бабушка?.. – шептала она с мольбой в голосе. – Тебе давно пора домой. Неужели ты встретила в дороге злого духа или даже наснаса? А может быть сбилась с пути? Я же здесь! Ветер, донеси до нее мой голос. Пускай он станет для нее путеводной ниточкой. Пускай она вернется... Возвращайся...

Ун откинулась на полуразрушенную колонну, борясь со сном из последних сил. Руки ее безвольно упали на обгоревшие колени, а ресницы мелко задрожали. Перед глазами уже поплыли сонные невнятные образы, когда последние всполохи ясного сознания уловили на горизонте движение. Девочка встрепенулась, и вгляделась. По извилистой гряде огромной дюны двигалась еле различимая в золотистой взвеси фигура.

– Ба! – радостно вскрикнула Ун, подскочила и замахала руками. – Ба, ура!..

Однако, через мгновение радость ее поутихла. По рыжим волнам двигалась отнюдь не коренастая фигура бабушки в ярко-голубом одеянии. Нет, человек, что шел сейчас к кишлаку, был куда выше. Тонкий черный росчерк на фоне рыжих дюн. Одежда путника, развевающаяся на ветру, точно крылья стервятника, скрывала его с головы до пят, однако в этой тьме ясно угадывалось белое пятно вытянутого лица. Человек скользил по барханам, казалось, даже не оставляя следов, стремительно и грациозно. Быть может, конечно, то ветер заметал их сразу за его стопами, но, окруженный песчаными вихрями, незнакомец более всего напоминал неведомый мираж.

Ун замерла, глядя на путника заворожено. Сквозь завывания ветра до нее донесся мелодичный перезвон. Точно капли, что срывались тогда со дна ведра и падали обратно в колодец.

Девочка моргнула, и в тот же миг фигура приблизилась вдвое. Ун вздрогнула от неожиданности и спряталась за остатками колонны. «Что за фокус?». Незнакомец остановился, поднял узкую ладонь с паучьими пальцами и помахал. «Это он мне?». Точно оторвавшись от земли, путник молниеносно соскользнул с бархана вниз и оказался буквально в нескольких шагах от стен минарета.

– Эй! – позвал он голосом, слишком высоким для мужчины и слишком низким для женщины. – Я видел тебя! Девочка!

Ун замерла, прижавшись к серому камню, ни жива ни мертва от страха.

– Эге-гей! Бабушка Лоти не учила тебя здороваться?

При упоминании родительницы девочка вздрогнула всем телом. Он что, встречал ее?

– Откуда ты знаешь мою Ба? – Ун опасно взглянула вниз.

Путник смотрел на нее огромными желтыми глазами. Золото это обрамляли лучи рыжих длинных ресниц и россыпь веснушек на мраморно-белой коже.

– Я много чего знаю. Много чего повидал, – он хрипло, точно старик, рассмеялся. – Как тебя зовут, дитя?

– Ун, – выпалила девочка и тут же зажала себе ладонью рот. Бабушка учила, что нельзя раскрывать имя незнакомым людям. Имя дает власть.

– Значит это и правда ты! Скромно как. Ун. Всего-то два звука. А я Марид!

– Тоже не богато! – съязвила девочка и спряталась за край.

– Да ладно тебе, не обижайся. Я очень долго бродил по пустыне и сильно устал. Мне бы кров, да чем жажду утолить. А в долгу я не останусь.

– Ты... – Ун замялась. – Ты наснас?

– Чего? – удивился златоглазый. – Ерунда! У Наснасов рука-то одна, а у меня вон, гляди! Обе на месте! – он поднял вверх бледные ладони. Каждый палец его, тонкий и длинный, украшали два, а то и три, тяжелых золотых перстня с самоцветами, а на запястьях звенели десятки сверкающих браслетов того же металла.

– Значит, ты шайтан! – не унималась девочка.

– Никакой я не шайтан! – в голосе путника проскользнула обида, – Чем хочешь поклянись!

– Что с моей Ба? Ты встречал ее в пути? Бабушка Лота – она невысокая, худая, ходит в синих одеждах, а ее волосы белые, будто козье молоко.

Марид широко улыбнулся:

– Белее снега, – кивнул он. – Я видел ее в Бат-Яффо, на рынке. Она мне и рассказала, что вы живете в старом минарете в Модетте. И про тебя тоже поведала. А еще разрешила мне остановиться у вас, как я доберусь досюда. Песчаная буря, занявшаяся в районе города, задержала ее. Я отправился в путь, а она не решилась. Вот и попросила передать тебе весточку.

– Врешь!

Марид скользнул рукой в складки своих одежд и вытащил что-то. Пальцы его медленно раскрылись. Ветер подхватил сверкающий рубиновый песок и подняв алые крупы, закружил их крохотным вихрем прямо на ладони.

Ун сжала пальцы так, что костяшки побелели. Сердце колотилось тушканчиком в силках. Она видела, как летуче двигался незнакомец, видела его белоснежную кожу и желтые глаза. Он выглядел странно, не так, как смуглые, черноглазые жители пустыни. Кто он, откуда? Может, колдун из далеких земель Мунга? Хинам рассказывал о них как-то. Пустыня там ослепительно-белая, вместо песка – соль из высохших слез древних людей. Обитают в Мунге одни чародеи и алхимики. С другой стороны, кажется он и правда встречал Ба. Он назвал ее по имени, а в руке его плясал сейчас рубиновый песок, который Лота добывала у подножия черных гор за кишлаком. «Что такое этот снег?..» – пронеслось вдруг мимолетом в голове Ун. – «Он белый... Снег...». Девочка взглянула на внезапного гостя, что увлеченно перегонял песчаную воронку с ладони на ладонь, и устало выдохнула.

– Ладно! Но завтра на закате ты уйдешь! – крикнула девочка вниз. – Идет?

– Еще как!

– И расскажешь мне о том, что такое снег!

– Обязательно!

– Обойди башню, с обратной стороны есть дверь. Я открою тебе.

Путник двинулся вдоль серой стены, а Ун вприпрыжку понеслась вниз по лестнице. Возле самой двери она остановилась и в нерешительности взялась за тяжелый откидной засов. Если он шайтан, тайная вязь не позволит ему войти. Девочка выдохнула, отодвинула стальную перекладину и распахнула дверь.

Марид стоял на пороге, внимательно оглядывая резной косяк. Гость был так высок, что дверной проем доходил ему до плеча. «Ну что же ты? Входи, если сумеешь!» – с вызовом подумала Ун. И тут путник заговорил. Язык этот был незнаком девочке. Ничего похожего она никогда и не слышала. Слова были певучие, неторопливые, но мягкие открытые звуки перемежались со звонкими, будто излом сухой колочки, щелчками. Марид следовал взглядом по древнему узору – от нижнего правого края, по арке и слева вниз. Закончив, он поцеловал подушечки пальцев и приложил их ко лбу, прикрыв при этом глаза.

– Ты можешь это прочитать? – ахнула Ун.

– Конечно. Мой родной язык.

– И что же тут написано?

– Впусти меня, и я расскажу.

– Заходи, – девочка отступила.

– Приглашаешь? – с сомнением спросил Марид.

– А что ж еще? Конечно, приглашаю! Входи давай.

Златоглазый пригнулся, чтобы не удариться головой о косяк, и переступил порог.

– А говорится здесь, – сказал он разгибаясь, – что ни один дух, джинн или шайтан не должны входить в эту обитель без приглашения человека.

Ун нервно хихикнула. Вот как, значит...

– Возьми. Это тебе плата за кров, – путник протянул руки. Ладони его наполнились крохотными золотыми самородками. Металл, казалось, возник из ниоткуда на глазах.

– Ты колдун! – воскликнула Ун и отшатнулась. «Кого я пригласила к себе домой?». – Не нужно мне твое золото!

– Нет? А чего же тогда нужно? – Марид разжал пальцы. Слитки посыпались на серый каменный пол, искрами разлетелись по залу.

– Зачем ты пришел? Ты хочешь погубить меня? – девочка взбежала на лестницу, глядя оттуда затравленным зверьком.

– Ох, совсем нет! Тебе нечего бояться. Мне действительно просто нужен постой. Прости, если напугал, – Марид выглядел сейчас настолько растерянным и встревоженным, что девочке, несмотря на страх, стало его даже жаль.

– Что я буду делать с золотом? Оно меня не накормит, не утолит жажду, не спасет от холода или зноя. Вот если бы коза или верблюд...

– Верблюда у меня, к сожалению, нет. Козы тоже. Но кое-что, я думаю, для тебя все ж отыщется, – путник запустил правую руку в левый широкий рукав, немного там пошарил, – Ага. Вот она.

Осторожно он извлек из черных складок взмокшую курицу. Птица напуганно моргала круглыми темными глазками и мотала из стороны в сторону открытым от жары клювом. Перья ее были чистенькие и такие белые, что, казалось, светились в полумраке минарета.

– Какая красавица! – всплеснула руками Ун. – Я курочек видела лишь единожды, на рынке в Бат-Яффо. Но они были коричневые и облезлые, а эта...

– Тише! Зачем ты ее обижаешь! – шикнул встревожено Марид. – Какая ж это тебе курица? Это самая настоящая птица-Рух!

Ун рассмеялась и сделала пару шагов на нижние ступени.

– Тоже мне, птица-Рух! Рух огромная и сильная, она может даже унести верблюда в лапах!

– И эта может, – путник ласково погладил курочку по жемчужной шейке, – просто сейчас она очень сильно съежилась. От холода. Без солнца ей тяжело.

– Как это, без солнца? – Ун сошла на пол и приблизилась к гостю, не отводя взгляда от перепуганной птички. – Вон оно как жарит каждый день.

Марид фыркнул:

– Да разве ж это солнце? Это подделка! Просто светильник. Намиб уже очень давно не видела настоящего солнца.

Девочка протянула руку и провела кончиками пальцев по алому гребешку.

– Ты говоришь странные вещи, колдун, – она приняла из рук незнакомца подарок и мягко прижала птичку к груди.

– Быть может, позже я расскажу тебе обо всем. А сейчас можно мне воды?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.